

Д.Омельчук

ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ. КРЫМСКИЕ НЕМЦЫ в 30-е – начале 40-х годов XX столетия

На основі архівно-пошукових справ на осіб, засуджених за політичними мотивами в 20–50-ті рр. XX ст. були проаналізовані хід, масштаби та наслідки політичних репресій сталінського періоду проти німецького населення Криму.

Изучение истории различных этнических групп в Крыму началось относительно недавно. Судьба немецкого населения оказалась наиболее исследованной. Это в значительной степени связано с активностью различных немецких обществ. Изданы работы как непосредственно посвященные крымским немцам¹, так и такие, где их судьба рассматривается во взаимодействии с другими этносами Крыма². Наибольший интерес исследователей вызывают вопросы, связанные с депортацией из Крыма по национальному признаку. Другие периоды отражены фрагментарно.

В последние годы открылась возможность существенного обогащения спектра изучаемых вопросов, связанная с расширением источниковой базы. В рамках государственной программы увековечения памяти жертв политических репрессий «Реабилитированные историей» исследователи получили доступ к уникальным документам – архивно-следственным делам на лиц, осужденных по политическим мотивам в 20–50-е гг. XX ст., а ныне реабилитированных на основании Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине». Эти документы позволяют не только исследовать сам процесс сталинского террора, но и являются ценным источником, проливающим свет на различные стороны жизни советского общества, в частности, процессы, происходившие в Крыму. Материалы следствия представляют собой не простой источник, требующий к себе критического отношения больше, чем многие иные виды архивных документов. В помощь исследователям издана серьезная методическая литература, которая поможет в научном использовании архивно-следственных дел.

Источниковая база для выяснения истории крымских немцев, их отношения с властью, связей с исторической родиной, экономической

истории и т.д. достаточно обширная и многосторонняя. Это позволяет подойти к рассмотрению сложной темы – лояльность немцев советскому режиму. В такой постановке проблемы в Украине исследования только начинаются. Это обуславливает научную новизну темы.

Хронологические рамки данного материала определены 30-ми годами и до осени 1941 г., т.е. времени, когда фашистские войска оккупировали Крым. Такой выбор обусловлен тем, что в рассматриваемое десятилетие произошли существенные перемены в отношениях властных структур к немецкому населению Крыма. С момента установления Советской власти на полуострове (ноябрь 1920 г.) и на протяжении всех 20-х гг. режим активно стремился заручиться не просто лояльностью немецкого населения, но максимально вовлечь его в советское строительство. Репрессивные акции были в целом незначительны и большей частью касались участия тех или иных лиц в гражданской войне. Таким было дело Шнейдера, когда на скамье подсудимых в 1925 г. оказались 49 человек – членов карательного отряда. Невзирая на доказанность преступлений, мера наказания оказалась мягкой – никто не был казнен³. 12 обвиняемым был вынесен смертный приговор, но по решению Политбюро ЦК ВКП(б) его заменили тюремным заключением.

Данный факт прекрасно иллюстрирует вмешательство партийных органов в судебные дела. Однако в то время подобные вещи носили не единичный характер и свидетельствовали об «узаконенном» авторитете партии во всех сферах жизни общества. В то же время исследователи называют такое решение Политбюро беспрецедентно гуманным. Виновность подсудимых никто не отрицал. Ни один из осужденных не реабилитирован до сегодняшнего дня. Видимо, после кровавой гражданской войны в судебных процессах над побежденными новая власть пошла на существенное смягчение репрессивных мер в Крыму. Делалось это для обеспечения к себе более лояльного отношения (в данном случае немецкого населения)⁴.

Положение радикально изменится на рубеже 20-х и 30-х гг. с началом массовой коллективизации. Немецкие хозяйства как наиболее крепкие и продуктивные, пострадали больше других. Их массово относили к кулацким со всеми вытекающими последствиями. Вслед за раскулачиванием, преследованием за религиозные убеждения началась ликвидация немецких хозяйств и выселение немцев за пределы Крыма. Такая судьба постигла единоличника Е.Денцера из деревни Коккой Евпаторийского района. Его вместе с семьей за антисоветскую, антиколхозную агитацию выслали из Крыма. Конфискованное иму-

щество передано колхозу⁵. И.Эппа, жителя деревни Мерленчик Симферопольского района, с семьей развели: сам глава семейства за агитацию против колхозов и за выезд из СССР был приговорен Тройкой ОГПУ Крыма 16 марта 1930 г. к 8 годам ИТЛ, а семья выселена. Имущество конфисковано⁶.

Положение немецкого населения усугубляло и его нежелание отказываться от своих национальных, духовных и религиозных убеждений, на чем настаивали представители новой власти⁷. В знак протеста против этого немцы предпринимали попытки массовой эмиграции в США и Канаду. В основном это были меннониты⁸. Реакция властей была жесткой. С одной стороны, по партийной линии были усилены меры агитационно-пропагандистского характера, с другой – усиливались репрессии по линии ОГПУ. Так, группа из пяти человек – все крестьяне-единоличники села Аджи-Бей Судакского района – были арестованы в ноябре-декабре 1930 г. за «распространение слухов о тяжелой жизни в СССР» и агитацию немцев-колонистов бежать из СССР. Мера наказания оказалась разной. В.Кайзера приговорили к 10 годам ИТЛ, Т.Кинде – к 5, а И.Бейтлер – к 3 годам лишения свободы. Еще двое проходивших по делу отделались одним месяцем лишения свободы. Но так как к моменту вынесения приговора все обвиняемые уже отсидели по 2-3 месяца, то их освободили⁹.

Сопrotивление политике коллективизации проявилось и в дроблении крестьянских хозяйств, чтобы не быть отнесенными к эксплуататорским и не попасть под раскулачивание. Эта мера в большинстве случаев оказывалась малоэффективной. Сохранилось немало уголовных дел по таким фактам. Всем им придавалась политическая окраска, а формой наказания было лишение свободы, как правило, на срок 3-5 лет или высылка из Крыма. Высшая мера наказания в этот период применялась чаще, чем в предыдущие годы. Под эту меру наказания попадали наиболее активные противники коллективизации, в частности, за случаи вооруженного сопротивления. Полной картины происходившего, вероятно, мы не сможем получить никогда, так как выдаче и изучению подлежат архивно-следственные дела только на реабилитированных граждан, а еще дела лиц порядка 10–15% довоенных лет в период реабилитации были признаны осужденными правомерно. Кроме того, работы в рамках программы «Реабилитированные историей» еще продолжаютсЯ, следовательно, итоговая статистика еще впереди. Предварительно можно предположить, что от 3 до 6% осужденных в рассматриваемый период (1930-1931 гг.) были приговорены к высшей мере наказания.

Жесткие репрессивные меры властей сорвали массовую миграцию – всего выехало из Симферопольского района 123 семьи, из Джанкойского – 196¹⁰. По другим административным единицам нет обобщающих данных. Оставшееся немецкое население пришло к пониманию необходимости адаптироваться к новым, хоть и неблагоприятным, условиям. Со своей стороны власти пошли на создание национального Биюк-Онларского района (в настоящее время поселок Октябрьское Красногвардейского района). В условиях большой национальной пестроты Крыма район не был и не мог быть чисто немецким. Точной информации о доли немцев среди населения района нет. В научной литературе приводится цифра, свидетельствующая, что в Биюк-Онларском районе в 1931 г. проживало 40,8% всех немцев Крыма, а из 56 наиболее крупных населенных пунктов района (всего их было 242) в 26 преобладало немецкое население, а еще в 10 они составляли большинство вместе с другой национальной группой. Появление национального района, сельсоветов открыло новые возможности отстаивать свои права и национальные особенности. Несколько уменьшились и репрессии.

Однако эта пауза оказалась очень короткой. Приход в Германии к власти нацистов имел для крымских немцев самые печальные, а в скором времени и трагические последствия. Как известно, в 20-е гг. между Германией и СССР установились взаимовыгодные отношения по широкому кругу вопросов, включая военное сотрудничество. Естественно, что наладились и личные контакты крымских немцев с родственниками в Германии. Осуществлялся обмен письмами, переводами, присылались газеты, посылки и т.д. С 1933 г. все это ОГПУ стало рассматривать как враждебную деятельность. А это было время жесточайшего голода, охватившего многие районы Украины и России. В Крыму положение было значительно лучше, хотя и здесь люди испытывали продовольственные трудности. Письма же крымских немцев с просьбой к родственникам в Германии о деньгах и продуктовых посылках рассматривались как антисоветская агитация, а лица, уличенные в этом, репрессировались. Так, по обвинению в переписке с «фашистскими организациями» и получение от них материальной помощи были осуждены Я.Берг, Г.Бреймеер, М.Пенер и другие. А.Руофф, И.Юнкина, А.Штейнигер осуждены за «пропаганду фашизма и восхваление Гитлера»¹¹. Репрессивными мерами органы безопасности стремились пресечь поток информации из Германии. С одной стороны, прекратилась подписка немецких газет и журналов, а с другой – преследованию подвергались те, кто читал эти издания в СССР и тем бо-

лее распространял их среди соотечественников. В январе 1935 г. к 5 годам исправительно-трудовых лагерей был приговорен 31-летний помощник бухгалтера зерносовхоза «Большевик» Я.Эзау¹².

Осуждали не только поодиночке, но и группами. В ноябре-декабре 1934 г. в различных районах Крыма НКВД арестовало 20 человек. Все они обвинялись в получении по подписке (т.е. на вполне законных основаниях. – Авт.) газет и журналов из Германии, с которыми «знакомились сами и знакомили окружающих». Все были осуждены к различным срокам лишения свободы¹³. То, что в действиях этих лиц не было состава государственного преступления, власть признала только в годы «хрущевской оттепели» в 1961 г.

Режим добивался установления информационной блокады. Но, не взирая на препоны, крымские немцы внимательно следили за событиями в Германии, постоянно сравнивая положение на исторической родине со своим. На фоне колхозной бесхозяйственности, нестимулирующей производительный труд, оплаты, огромных потерь, все чаще стал появляться тезис о том, что в Германии пришел сильный хозяин и он поднимет страну. Органы безопасности, имевшие широкие сети осведомителей, решительно пресекали подобные «антисоветские» действия. Количество крымских немцев, осужденных по 58-й статье УК РСФСР, резко возрастает.

И.Юнкинд из деревни Атай-Немецкий Ишуньского района утверждал, что советская власть непрочная, что спасение только в установлении и здесь фашистского строя. Осужден к 7 годам лишения свободы¹⁴. Учетчик тракторной бригады колхоза «Красная звезда» Я.Гесс, сравнивая техническое оснащение Красной Армии с немецкой, делал вывод о преимуществе последней. Бригадир того же колхоза Ф.Пипус, проходивший по одному делу с Я.Гессом, утверждал, что «фашисты не допустят долгого существования СССР и если будет война, большевики ее проиграют». За «контрреволюционную агитацию» оба были осуждены к 10 годам ИТЛ¹⁵.

Такие факты исчислялись сотнями. Но следует учитывать, что были арестованы и осуждены только те, о ком информация дошла до спецслужб. При всей разветвленности сети осведомителей, 100-процентный охват разговоров и настроений НКВД все же обеспечить не мог. Следовательно, подобные настроения могли быть куда более массовыми.

Несомненно, большой интерес представляли бы материалы, позволяющие оценить степень лояльности государству различных категорий немецкого населения: жителей городов и деревень, партий-

ных и хозяйственных руководителей, ИТР, рабочих, культурно-просветительских и образовательных работников и т.д. К сожалению, подобными материалами ученые пока не располагают. Но то, что власти рассматривали большинство крымских немцев как потенциальную пятую колонну – факт. С особой силой это проявилось в годы «большого террора».

По итогам выполнения печально известного приказа НКВД №00447 в Крыму было осуждено тройкой НКВД 4000 человек, в том числе 873 немца¹⁶. Фактически количество репрессированных было несколько выше, так как в Крыму задания по лимиту были перевыполнены и часть арестованных судили Военным Трибуналом и Спецколлегией Верховного Суда Крыма (был такой в Крымской АССР в 30-е гг.). Но даже без данных по этой группе можно утверждать, что в годы «большого террора» в Крыму немцы были пострадавшей национальной группой.

Если среди русских и крымских татар потери от репрессий в первом году «большого террора» составили примерно 0,4% от состава населения, то у немцев этот показатель составлял 1,9% – почти в пять раз больше.

В 1938 г. картина оказалась схожей. Всего в эти два года в Крыму репрессировано около 65–66% немцев из общего количества подвергшихся политическому преследованию в 1920–1941 гг.¹⁷ Есть все основания считать, что в результате сторонников советской власти среди немцев не прибавилось. Более того, с этого времени появляется все больше дел, по которым проходят немцы, открыто обсуждающие возможность в самое ближайшее время войны между СССР и Германией. Симпатии арестованных по этим делам были явно не на стороне Страны Советов.

Справедливости ради отметим, что в период так называемой «бериевской оттепели» в Крыму на свободе оказалось более сотни немцев, находившихся под следствием кто с 1938 г., а кто с 1937 г. Так как органы НКВД осуществляли аресты врагов народа «с запасом», а плановые показатели уже были выполнены, то несколько сот человек, по которым следствие было завершено, продолжали находиться в камерах, ожидая своей участи. После смены наркомов и массовой чистки следователей пересмотрели и судьбу этой группы. Часть освободили за недоказанностью, другие получили короткие сроки, преимущественно в 5 лет ИТЛ. Тем самым создавалась видимость правосудия и восстановления социалистической законности. Однако как отразились эти действия на степени лояльности немецкого насе-

ления Крыма к власти говорить сложно – источники по данной части темы отсутствуют полностью.

Нападение фашистской Германии на СССР поставило немцев перед сложным выбором. С одной стороны, они граждане страны, проживавшие здесь уже не одно поколение. С другой стороны, режим в этой стране был явно недружественным им. Немцев, особенно в условиях начавшейся войны, рассматривали как «пятую колонну». Определенные основания так считать у власти были: у нее перед глазами был опыт Франции, Бельгии, Польши, других стран, куда ступила нога германского солдата. Поэтому с первых же дней войны органы начали новую зачистку немецкого населения, получив малейшие сведения о нелояльности. Так, уже 27 июня 1941 г. в Симферопольском районе было арестовано 8 человек, среди них одна женщина, за, как указывалось в обвинительном заключении, «антисоветскую агитацию», которая выражалась в разговорах типа, «что тут не делайте, а Гитлер скоро сюда придет».

Верховный суд Крымской АССР приговорил двоих обвиняемых к 10 годам лишения свободы, остальных – к 5 годам¹⁸. Другая группа из 6 человек была арестована в середине июля. Следствие по делу затянулось, и всех обвиняемых эвакуировали в Иркутск, где в апреле 1942 г. приговорили к 10 годам ИТЛ¹⁹. Аналогичные случаи отмечаются и в других районах республики.

О насильственном выселении немцев из Крыма в августе 1941 г. написано достаточно много, включая воспоминания. Опубликованный во второй части Крымского тома научно-документальной серии книг «Реабилитированные историей» уникальный документ – докладная записка наркома внутренних дел Крымской АССР секретарю Крымского обкома ВКП(б) «Об эвакуации немецкого населения» позволяет сделать новый шаг в изучении настроений и степени лояльности этой части населения полуострова.

В документе отмечается весь спектр мнений. Часть немцев, особенно из числа партийно-советского актива, выражала непонимание и возмущение акцией. «На кой черт тогда давали мне партбилет, если теперь не доверяют», – так зафиксировала агентура слова члена ВКП(б), председателя Караминского сельсовета Мольтке²⁰. Комсомолец Лаер говорил: «Почему только одних немцев эвакуируют, я эвакуироваться не буду, я должен поехать в армию»²¹. Среди членов партии отмечались и другие настроения. «Как только выеду за пределы Крыма, партбилет выброшу», – говорил председатель колхоза им. 17 партсъезда А.Майер²².

Иные были более радикальны, выражая надежду, что Гитлер все равно победит, и высказывали «террористические настроения» в отношении власти: «Возьмем в руки оружие и выступим против советской власти»²³. Все приведенные в записке факты касаются агрессивного отношения к власти, но не к населению других национальностей. Известны случаи, когда высылаемые немцы просили русских соседей присмотреть за оставленным имуществом и скотиной. В то же время отношение к немцам в обществе с началом войны изменилось. «Это изменники и шпионы ... от них было бы необходимо избавиться», – записал на третий день войны симферополец²⁴. О положительной реакции населения на выселение немцев из Крыма свидетельствовали и информации НКВД²⁵.

Следовательно, есть все основания считать, что отношение немецкого населения с советской властью не сложились. Если в 20-е гг. преобладали нейтральные отношения и немцы сполна воспользовались возможностями НЭПа, то в дальнейшем шаги властей, ущемлявшие устои и экономические интересы большинства немецкого населения полуострова, вызвали острое недовольство, не доходившее, правда, до силового сопротивления. Дальнейшие шаги власти не могли не вызвать еще большего разочарования и недовольства. Следовательно, с началом Великой Отечественной войны советский режим имел основание опасаться своих граждан-немцев, что привело к новым виткам репрессивных действий, первым из которых стало насильственное выселение их из прифронтовой зоны.

Примечания

¹ Брошеван, В. Крымские немцы / В.Брошеван, В.Ренпеннинг. – Симф., 1996; Вакатова, Л.П. Лишенные избирательных прав / Л.П.Вакатова // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры / сост. Ю.Н.Лаптев. – Симф., 2000. – С. 87-94; Гурбова, Л.В. Немцы Крыма в период административных решений национальных проблем (1927-1930 гг.) / Л.В.Гурбова // Там же. – С. 101-106; Лаптев, Ю.Н. Революция и Гражданская война (1917-1920) в судьбе немецкого населения Крыма / Ю.Н.Лаптев // Там же. – С. 72-87; Омельчук, Д.В. Политический террор и немецкое население Крыма (1930-е гг.) / Д.В.Омельчук // Там же. – С. 94-101; Омельчук, Д.В. Политические репрессии против немцев Крыма / Д.В.Омельчук. – Севастополь, 2001.

² Брошеван, В. Изгнание и возвращение / В.Брошеван, П.Тыглиянц. – Симф., 1994; Габриелян, О.А. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство / О.А.Габриелян, С.А.Ефимов, В.Г.Зарубин и др. – Симф., 1998; Крым в этнополитическом вимірі. – К., 2005.

- ³ Брошеван, В. «Отряд, несущий людям смерть» (К истории вопроса о политическом терроре белогвардейцев в Крыму в 1920 г.) / В.Брошеван // Известия Крымского Краеведческого музея. – 1995. – № 1. – С. 65-66.
- ⁴ Омельчук, Д.В. Политические репрессии в Крыму (1920-1940 годы) / Д.В.Омельчук, М.Р.Акулов, Л.П.Вакатова, Н.Н.Шевцова, С.В.Юрченко. – Симф., 2003. – С. 28.
- ⁵ Государственный Архив в Автономной Республике Крым. – Ф. Р-4808, оп. 1, д. 08133. – Далее: ГА АРК.
- ⁶ Там же. – Д. 0573.
- ⁷ Гурбова, Л.В. Немцы Крыма в период административных решений национальных проблем. – С. 101.
- ⁸ Там же.
- ⁹ ГА АРК. – Ф. Р-4808, оп. 1, д. 017929, л. 161-164.
- ¹⁰ Архив Главного Управления Службы безопасности Украины в Автономной Республике Крым. – С. 7. – Далее: АГУСБУ АРК.
- ¹¹ Омельчук, Д.В. Политические репрессии в Крыму. – С. 50.
- ¹² АГУСБУ АРК. – Д. 011673.
- ¹³ Там же. – Д. 011636.
- ¹⁴ Там же. – Д. 020251.
- ¹⁵ Там же. – Д. 020604.
- ¹⁶ Там же. – Ф. 1, д. 18.
- ¹⁷ В публикации «Политические репрессии против немцев Крыма» автор этих строк назвал цифру в 57%, что соответствовало подсчетам по имевшимся тогда данным. На 1 января 2007 г. база данных реабилитированных немцев превысила 3500 человек, процент несколько вырос, но тенденция сохраняется.
- ¹⁸ АГУСБУ АРК. – Д. 011592.
- ¹⁹ Там же. – Д. 017945.
- ²⁰ Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым. – Симф., 2006. – Кн. вторая. – С. 51.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. – С. 50.
- ²⁴ Там же. – С. 7.
- ²⁵ Там же. – С. 49.

Надійшла до редколегії 26.09.2007